

АЛЕКСАНДРА
ЛИСИНА

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»
представляет серию «НЕОБЫКНОВЕННАЯ МАГИЯ»

Франциска Вудворт
«Мой снежный князь»
«Мой снежный князь. Строптивница для лэрда»

Настя Любимка
«История бледной моли»
«Я люблю тебя больше жизни»
«Любовь без гордости. Навеки твой»

Ева Никольская
«Моя темная половина»

Алиса Ардова
«Мое проклятие. Право на счастье»

Александра Лисина
Цикл «Артур Рэйш»
Кн. 1 «Когда темные боги шутят»
Кн. 2 «Охотник за душами»
Кн. 3 «Жнец»
Кн. 4 «Темный маг»

Марина Эльденберт
«Осколки времени»

Карина Демина
«По ту сторону жизни»
«Дом последней надежды»

Бронислава Вонсович
«Туманы Унарры»

Ольга Романовская
«Пикантные обстоятельства»

АЛЕКСАНДРА
ЛИСИНА

— АРТУР РЭЙШ —
ТЕМНЫЙ МАГ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л63

Серийное оформление — *Екатерина Петрова*

Иллюстрация на обложке — *Дарья Родионова*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается

Лисина, Александра.

Л63 Артур Рэйш. Темный маг : [роман] / Александра Лисина. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 448 с. — (Необыкновенная магия. Шедевры Рунета).

ISBN 978-5-17-113406-8

В столице Алтории по-прежнему беспокойно: ритуальные убийства, жертвоприношения, невесть откуда взявшиеся тела и невесть куда подевавшиеся души... все сплелось в чудовищном клубке интриг, под тяжестью которых прогибается даже время. Но награда за победу велика. И немало найдется желающих за нее побороться. Однако найти ведущую к разгадке ниточку удастся далеко не каждому. И только боги знают, что на это способен лишь настоящий темный маг.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113406-8

© А. Лисина, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ТЕМНЫЙ МАГ

...☀️ ПРОЛОГ ☀️...

В Алтире шел дождь. Затяжной, нудный, порой даже с крупными пузырями на лужах. Начавшись полторы недели назад, он разогнал всех прохожих с улиц и погрузил город в унылые сумерки. Зато после изматывающей жары в столице наконец-то похолодало. Булыжные мостовые перестали походить на раскаленные сковородки. Разлившиеся на них лужи местами достигли внушающих уважение размеров. Однако на темной стороне начало лета ознаменовалось лишь продолжительным снегопадом, который укутал мерзлую землю белым пуховым покрывалом.

— Скучаешь? — вкрадчиво поинтересовалась темнота у меня за спиной.

Я улыбнулся краешком рта.

— Жду. Ты ведь предвещала скорую встречу?

Мою спину обдало легким ветерком, а затем над самым ухом раздался тихий смешок.

— И все-таки ты слишком дерзок для мага, — с притворным огорчением заметила Смерть, подобравшись вплотную. — Надо бы наказать тебя за непочтительность... но я подожду. О чем ты хотел спросить?

Я глянул вниз, на далекую площадь, которую созерцал из окна башни городской ратуши, и оперся плечом на полуразвалившуюся стену.

— Тебе известно, кто так настойчиво пытается открыть дорогу нежити в реальный мир?

— Почему я должна это знать?

— В последнее время граница стала нарушаться слишком часто, — уронил я. — Тьма волнуется. А те, кто раньше обитал на самом ее дне, стали подниматься на поверхность. Тебе не кажется это странным?

Смерть издала новый смешок.

— Тьма — это владения Фола, Артур. Его и надо об этом спрашивать. Но я бы на твоём месте не удивлялась — в последнее время некоторые из магов начали привлекать к себе слишком много внимания.

— Ты что-то знаешь о Поводыре? — насторожился я.

— Немного. Пограничные сущности, утратившие право называться живыми, но ещё не ставшие по-настоящему мертвыми, меня не интересуют. Но на глубине таких обитает немало. И не все из них столь же велики и неповоротливы, как Поводырь. Хотя в отношении конкретно него ты прав — такая древняя тварь не должна была подниматься на поверхность. Поводырь слишком грузен для тех слоев, что доступны, к примеру, тебе. И если он решил всплыть, то лишь потому, что кто-то указал ему на достойную добычу.

— Ты знаешь, кто его призвал?

— Нет. — Мне показалось, что Леди в белом качнула головой. — Мне известно лишь о тех, кто уже мертв. А твой враг определенно находится среди живых. И он знает о тебе достаточно, чтобы опасаться.

Я помолчал.

— Как считаешь, почему именно Поводырь?

— Мертвыми легко управлять, — усмехнулась Смерть. — Гораздо легче, чем живыми. Даже для Поводыря нашлась своя приманка, а ведь он стар... и очень силен. Быть может, даже сильнее, чем некоторые боги. Тем не менее твой враг нашел способ и его сделать послушным, заставив выполнять работу, на которую у него самого не хватило времени или сил.

— Исходя из твоих слов, мне стоит повнимательнее присмотреться к коллегам, способным, как и я, подолгу находиться на темной стороне...

— Присмотрись ко всем, — негромко посоветовала Смерть. — Иногда ответы находятя совсем не там, где их ищут.

Я только хмыкнул: вот прямо обожаю иносказания и обтекаемые формулировки! Затем ощутил легкое прикосновение к щеке и на всякий случай прикрыл глаза, но Смерть уже уходила. Только слабым ветерком обдула затылок, словно прощаясь, после чего ощущение чужого присутствия исчезло, и я вновь остался в ратуше один.

— Что ж, по крайней мере, одно мы выяснили точно, — проворчал я, стирая со шлема выступивший иней. — У меня есть

живой и неплохо подкованный в темном искусстве враг. Но если он живой, значит, это человек. А раз он смертен, следовательно, его можно убить.

... ГЛАВА 1 ...

— Народ, у нас проблема, — сообщил я, с трудом забросив на постамент тяжелый каменный осколок. — Надо придумывать другой способ сборки, потому что этот скоро станет бесполезным.

Нырнувший за новым обломком серебристый ручеек удивленно булькнул и выглянул наружу. А когда я указал ему на «проблему», Ал выбрался из-под камней целиком и принял человеческий вид.

Две недели интенсивной работы даром не прошли — за это время мы успели собрать статую Фола до колен. И это было хорошо. Но поскольку высотой она теперь доставала мне до плеча, то всего через пару-тройку рядов я уже не смогу забрасывать камни наверх.

По достоинству оценив возникшую трудность, алтарь снова озабоченно булькнул и надолго завис, пытаясь найти решение. Я его понимал — дерево на темной стороне разрушалось довольно быстро, а на нижнем слое, как я недавно выяснил, **ОЧЕНЬ** быстро, так что о деревянной лестнице можно было забыть. Строить ее из камня? В принципе возможно. Но это требовало времени и сил — это раз. И два — я сильно сомневался, что мы наскребем по округе достаточное количество материала, чтобы выстроить леса до самого потолка, да еще и сумеем сделать их надежными. Подъемный механизм тоже отпадал — он требовал применения веревок, а они сгнивали здесь еще быстрее, чем дерево. Разве что использовать кожаные ремни? Хм, в общем-то неплохой вариант. Осталось придумать, как и на чем их закрепить. И сделать так, чтобы они удержали вес осененных божественной благодатью камней.

— Перекур? — предложил я, когда Ал перевел на меня растерянный взгляд.

Мой «зеркальный» приятель замедленно кивнул. После чего совсем уж человеческим жестом поскреб серебристый затылок и снова в задумчивости уставился на нашу общую проблему.

Я же, отступив в сторону, уселся прямо на пол и принялся разминать затекшую шею.

День был долгим, работать мы начали вскоре после завтрака, а сейчас, если мое ощущение времени верно, в верхнем мире должно было уже темнеть. Передышку нам сегодня понадобилось сделать трижды, потому что Ал по-прежнему не справлялся с нагрузкой, а в последние полторы свечи мне пришлось взять часть его работы на себя, так что в итоге мы вымотались оба.

Пользуясь тем, что в зеркальной броне холод нижнего слоя не доставлял никакого беспокойства, я прислонился спиной к стене и с любопытством взглянул на сидящую посреди храма куклу. В эти дни Мэл вел себя осторожнее, чем обычно, почти все время молчал и старался лишней раз не показываться на глаза. А принесенную мною новую кожаную одежду хоть и надел, но без особого энтузиазма. И, судя по тому, что за последнее время он опять подрос, вскоре ее снова придется менять.

Сейчас бывший Палач был занят тем, что размеренно и методично водил лезвием своей секиры по выросшему из лужи точильному «камню». После того как Ал перестал обжигать моего служителя и разрешил беспрепятственно перемещаться по храму, это стало любимым занятием духа. Вот и сегодня Мэл всю первую половину дня занимался сперва одной рукой, доводя лезвие до бритвенной остроты, а теперь терпеливо и умело затачивал вторую.

Осторожно коснувшись поводка, я почувствовал идущее от куклы слабое, едва уловимое удовлетворение, какое бывает после хорошо проделанной работы, и Мэл, словно почувствовав, быстро поднял голову. Мы на мгновение пересеклись взглядами, поводок ненадолго напрягся, но быстро опал, словно Мэл хотел что-то сказать, но неожиданно передумал.

Я, если честно, не понимал, что с ним происходит. Убедившись, что избавляться от него не планируют, Мэл неожиданно стал замкнутым, молчаливым и подчеркнуто послушным. Рослый, обзаведшийся полноценным рельефным торсом и доставивший мне уже по середину бедра дух почти все свободное время проводил теперь на нижнем уровне. В доме я его в эти две недели вообще не видел. Во время выходов в город он умело прятался. Но при этом, куда бы я ни пошел, Мэл неотступно следовал за мной по пятам, методично убивая любую нежить, которая попадалась поблизости.

Более того, я стал замечать, что мой новый дух начал умышленно отстраняться от поводка и, как мне казалось, давил в себе любые проявления эмоций. Иначе говоря, снова превращался

в ту самую бездушную машину для убийств, которую я один раз уже уничтожил.

И меня это не устраивало.

С кряхтением поднявшись, я подошел к настороженно взирающей снизу вверх кукле и, скрестив ноги, уселся напротив. Так, чтобы наши глаза оказались почти на одном уровне.

— Что ты о себе помнишь?

От простого вопроса Палач самым неожиданным образом растерялся. Паучьи ноги, наполовину погруженные в серебристую жижу, нервно переступили, издав приглушенный щелчок. Руки-лезвия опустились, макнув кончиками в расплавленное серебро. Не до конца отросшие пальцы второй пары рук сжались в кулаки. После чего мой новый служитель настороженно спросил:

— Что ты хочешь знать?

Говорил он тихо, все еще немного пришепетывая, но понять его было можно без особого труда.

— Все, — спокойно ответил я. — В том числе и то, кто тебя создал и как именно ты стал таким, как сейчас.

Мэл вновь тревожно переступил лапами.

— Я мало помню. Особенно то, что было в последние годы.

— Но меня-то ты вспомнил?

— Тебя сложно забыть, — согласился Палач. — Это ведь ты меня убил.

Я хмыкнул.

— Так ты поэтому не хотел возвращаться? Зазорно служить убийце?

— Нет, — неожиданно качнул головой он. — Я помнил о тебе с первого дня, как осознал себя заново. И решение служить принял осознанно.

— Хм... прости, я не понял: ты САМ выбрал, кому будешь служить?

— Существо моей специализации нужен хозяин, — спокойно подтвердил Палач. — Без этого я не способен нормально функционировать.

— В каком смысле?

— В прямом. Тебе знаком термин «безумие»?

Я ошарашенно воззрился на служителя. Но Мэл ответил все таким же спокойным взглядом. При этом поводок между нами внезапно напрягся, задрожав, как натянутая струна. И, нутром ощутив, что за этим напряжением кроется нечто гораздо большее, чем простая тревога, вслух я сказал лишь одно:

— Поясни.

Палач помолчал, а затем начал говорить, тщательно подбирая слова.

— Когда меня создали, я знал и понимал лишь одну функцию — выполнять приказы. Мне говорили «убей», и я убивал. Говорили «найди», и я находил то, что просили. Хозяин сперва был один. Затем другой, третий. Убивать приходилось часто, и с годами количество заказов только росло. Но со временем я обнаружил, что с каждой новой смертью сила чужих приказов становится все слабее... Это сложно объяснить, — тихо добавил Мэл, щелкнув костяшками лап. — Сперва, когда звучал приказ, я не мог ни о чем думать. Стремление исполнить волю хозяина было так велико, что это занимало все мои мысли. Когда задание было выполнено, я засыпал и снова ни о чем не думал. А когда просыпался, то старый приказ забывался, и все начиналось сначала. Но потом мой сон стал короче и тревожнее, наступал не сразу и был не настолько глубоким, чтобы я успел все забыть. В какой-то момент я осознал себя вещью. Затем я понял, что меня считают опасной вещью. Еще через какое-то время в моей голове появились первые вопросы. А потом я услышал голоса...

— Ты начал слышать Тьму? — недоверчиво переспросил я, и Мэл невесело кивнул.

— Каждое пробуждение. Куда бы я ни пошел, что бы ни делал, они сопровождали меня неотступно. Сперва это был обычный шепот, затем громкая речь, а после — уже почти крик, который утихал, лишь когда я выполнял очередной заказ.

Я нахмурился:

— Хочешь сказать, голоса уходили, когда ты кого-нибудь убивал?

— На время. Но когда оно заканчивалось, они возвращались с удвоенной силой. И однажды настал момент, когда даже сон перестал меня спасать.

Я помолчал, вспоминая встречу с Уэссеском и свои первые выводы о Палаче.

Получается, некросы где-то напортачили, когда создавали новый вид духа-служителя. Палач и впрямь получился сильным, выносливым, почти неуязвимым для обычного оружия, но при этом, как ни парадоксально, он оказался плохо приспособлен к Тьме. Раз уж он начал слышать голоса, раз не сумел справиться с неумолимо подступающим безумием... что-то точно пошло не так. А ведь, наверное, он пытался бороться. Самым простым из доступных ему способов. Заметив, что каждая новая смерть при-

носит облегчение, он, естественно, взялся за секиры и принялся искать в окружении хозяев тех, кого мог, не нарушая приказа, убить. Поначалу это были нечестные на руку партнеры, затем мелкие воришки, хамы и, наконец, просто бедолаги, которым не повезло расстроить хозяина.

Вот, выходит, в чем была истинная причина ослабления повода?

— Ты кому-нибудь об этом говорил? — спросил я, заново осмыслив свое представление о Палаче.

Мэл качнул головой:

— Хозяин не приказывал говорить.

— Но он же следил за твоим состоянием. Как можно было упустить момент, когда ваша связь нарушилась?!

— Хозяева были слабы, — едва заметно пожал плечами Палач. — Некоторые вообще не слышали голосов. А голоса со временем стали такими громкими, что однажды я перестал слышать своих хозяев.

Я нахмурился еще больше.

Если голоса мучили его так же, как в свое время меня, то за годы пребывания на темной стороне не имеющий от них защиты дух и впрямь мог сойти с ума. Руки бы оторвать тем умникам, кто его создал... вместе с головой. Только подумайте, сколько бед способна натворить огромная, бесстрастная, умеющая перемещаться с устрашающей скоростью и не ведающая сомнений тварь? А если она при этом еще и безумна? Более того, сама понимает, что сходит с ума, отчаянно не желает этого, пытается бороться и вынуждена постоянно искать повод ко-го-то убить?!

Взглянув на Мэла совсем другими глазами, я тихо спросил:

— Что было после того, как Тьма поглотила тебя полностью?

— Не помню, — так же тихо ответил Палач. — Но потом появился ты, и Тьма рассеялась. Поэтому я пошел за тобой.

— Ты надеялся, что это поможет сохранить рассудок?

— С тобой я почти не слышу голосов, — признался он. — Тьма отступает, когда ты рядом. Я снова мыслю, порой даже чувствую себя живым. Хотя и сейчас память вернулась ко мне не полностью.

— Что же именно ты хочешь вспомнить?

— Себя, — отвел взгляд Мэл. — Хочу понять, кем я был до того, как стал Палачом.

Я вздрогнул.

Что значит, кем был?! Обычно, если мы находим свободного духа, он и так прекрасно знает, кто он. Он мыслит, помнит свою прошлую жизнь и соглашается на служение добровольно, иначе его будет трудно удерживать. Да, порой это магов не оставляло. И чисто теоретически если найти заблудившегося духа, а затем лишить его памяти... если внушить ему, что он — бессловесный раб, а затем превратить в послушную куклу... то возможно все. Даже то, что Тьма однажды достучится до усыпленного некросами разума и, вместо того чтобы пробудить, заставит его сойти с ума.

Да, мы давно уже не привлекаем к работе мертвых насильно, потому что, даже став духом, человек сохраняет право на свободу воли и принятие решений. Более того, чтобы его удерживать, надо специально подгадывать с заклинанием в момент смерти. А когда это проще всего сделать? Правильно, когда именно в твой руке зажат ритуальный кинжал. Но если с Палачом поступили именно так, то тогда становится понятной его забывчивость и неуправляемая страсть к зеркалам. Переборыв во Тьме заклинание *заввения* и осознав себя как личность, он, судя по всему, однажды задался вопросом, кто же он такой. Откуда взялся. И почему выглядит безликой тварью, способной своим видом отпугнуть кого угодно. Наверное, поэтому он так старательно собирал чужие лица вместо трофеев — просто искал среди них свое собственное лицо! Много десятилетий искал! Но, будучи безумным, не пытался сотворить его заново, а раз за разом лишь надевал на себя чужую кожу, как будто это могло спасти его личность от разрушения.

— Ты думаешь, что когда-то был человеком? — совсем тихо спросил я, только сейчас в полной мере осознав, с кем мне довелось столкнуться.

Мэл бесстрастно кивнул.

— Мои воспоминания обрывочны, момента смерти я вообще не помню, но, думаю, я был магом. Возможно, даже темным. И очень хотел бы знать, кто и за что так со мной поступил.

Когда мы покинули первохрам, в реальном мире царилась ночь.

Не желая привлекать к себе внимание, я уже давно возвращался на привычный слой не сразу, а сперва уходил из центра города и только потом всплывал наверх. Так было безопаснее. И меньше риска наткнуться на жрецов. А ну а то, что при этом

нам приходилось кружить по призрачному Алтиру... что ж, зато мы с Мэлом побывали почти во всех крупных кавернах. И вычистили их от нежити, сделав темную сторону столицы гораздо чище и намного спокойнее.

Сегодня мы тоже планировали прогуляться по городу и заодно продолжить изучение скрывавшихся под ним подземелий. Но Фол спутал нам все планы — стоило мне покинуть каверну, как метка на левом плече заметно нагрелась, а затем я с удивлением осознал, что верхний храм не пустует. Более того, там что-то происходит. Поэтому я отпустил Палача на охоту, а сам направился в главную залу, где перед статуей владыки ночи обнаружилось сразу несколько интересных призраков.

Гуляя по нижнему слою, я уже не раз видел жрецов — на этом слое служители Фола выглядели как сгустки Тьмы. Но не густой и плотной, как на более высоком уровне, а словно бы размытой, блеклой и совсем не похожей на те блестящие «чернила», которые я привык видеть.

Сегодня у алтаря Фола находилось сразу трое жрецов: двое обычных темных, стоящих по обе стороны алтаря, а третий — тот, что находился напротив статуи, — был наполнен Тьмой гораздо больше остальных, из чего я заключил, что в храм наконец-то вернулся отец-настоятель. Где уж он пропадал на протяжении нескольких недель, я не знал, а спрашивать не захотел. Мало ли какие дела могли быть у отца Гона за пределами Алтира? Но вот то, что рядом с ним находилось несколько магов, было уже интересно.

Окруженных скромным ободком темной ауры призраков оказалось двое — один поменьше ростом и поизящнее, второй, напротив, повыше и помассивнее. Видимо, мужчина и женщина. Причем стояли они так, словно между ними находился кто-то третий. Возможно, светлый, чью ауру я не мог разглядеть с нижнего слоя. Или же простой человек, которого зачем-то пустили на проводимый в храме ритуал.

То, что это был именно ритуал, я понял, когда жрецы молитвенно сложили руки на груди и отступили в тень, а отец-настоятель опустился перед алтарем на одно колено и низко склонил голову, при этом безостановочно шевеля полупрозрачными губами. Звуков до меня, естественно, не доносилось, поэтому о происходящем можно было лишь догадываться. Но когда женщина-маг сделала жест, словно подталкивала вперед невидимку, затем подошла к нему со спины и властно положила руки ему на плечи, а Тьма вокруг них заволновалась, до меня наконец